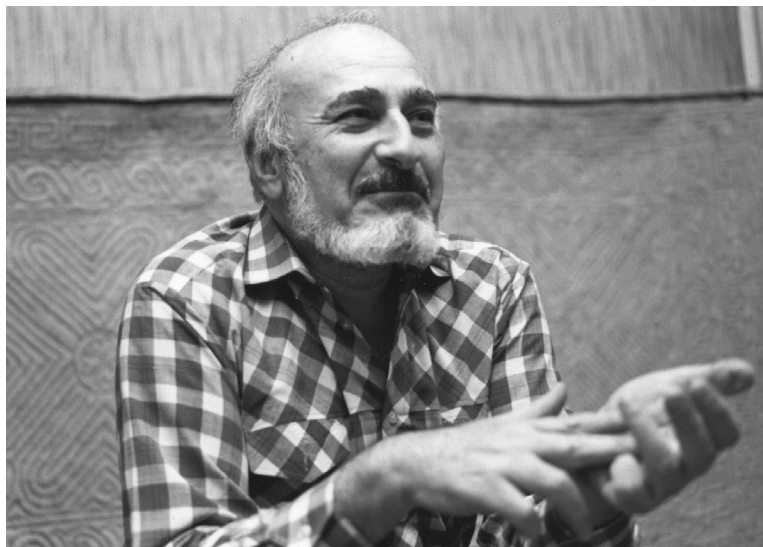

In memoriam

Сергей Александрович Арутюнов (01.07.1932–21.12.2023)

День зимнего солнцестояния 2023 г. для многих поделил время на “до” и “после”. Ушел из жизни Сергей Александрович Арутюнов. Вопрос — куда — остается открытым для человечества ровно столько, сколько человечество существует, однако Сергей Александрович своей жизнью и мыслью сделал эту тайну всех тайн для нас чуть более понятной.

Всей своей личностью он воплощал гармонию. В нем, как в симфонии, звучала полифония смыслов, идей, открытий, откровений, радости, мудрости, поэзии, обаяния — всего извечного и абсолютного. И главным сочетанием в этом аккорде была гармония интеллекта и нравственности, разума и достоинства. Сергея Александровича любили и уважали поколения его коллег, учеников, просто знакомые, и нет среди них ни единого, для кого бы он не был абсолютным авторитетом в области науки, примером всех человеческих добродетелей и в целом того, как надлежит распорядиться своей жизнью.

Он обладал феноменальным талантом говорить просто о сложном и шуткой обыграть исторические драмы цивилизации, от чего становилось как-то спокойно за цивилизацию. И трудно писать, не срываясь на пафос, и не хватает слов в словаре. И еще предстоит осознать, насколько нам будет не хватать слов без его речей.

В своей научной биографии Сергей Александрович особо выделяет период детства, когда закладывались основы интеллекта и характера, всего того, из чего развернется его почти календарный век. В детстве началась у него и взрослая жизнь. В 1944 г. умерла его мама и, оставшись в 12 лет с отцом-инвалидом на руках, он был вынужден пойти работать за ничтожный, но все же заработок. Испытания лишь закалили характер, и в 1950 г. он, закончив с серебряной медалью школу в родном Тбилиси, поступил в Московский институт востоковедения, который окончил досрочно. Сдав четвертый курс экстерном в 1954 г., он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, где и проработал почти 70 последующих лет.

Всего того, что сделал Сергей Александрович в науке, хватило бы на десяток полноценных профессорских биографий по качеству, не говоря уже о количестве. Его печатное наследие насчитывает 624 работы, в числе которых более двух десятков авторских монографий, охвативших историю и географию всего человечества (список трудов по состоянию на 2022 г. можно найти в книге: Баников К.Л. Инстинкт гармонии смыслов. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 57–90). Востоковеды знают Сергея Александровича как востоковеда, кавказоведы — как кавказоведа, ссылки на его чукотские открытия стали обязательными для всех в мире работ по вопросам истории и этнографии арктических морских охотников, индологи обращались к опыту его полевых исследований в Индии, а для многих японистов путь в науку начинался с его исследований этногенеза японцев. И столь глубокими были его познания в каждой из этих областей, что многие коллеги-кавказоведы зачастую даже и не знают ничего о японоведческой или эскимологической сторонах его деятельности, равно как японисты, зная Сергея Александровича как человека, о котором еще в 1960-х годах японские газеты писали как о великом знатоке настоящей японской культуры, не догадываются о его вкладе в науку об Арктике или Кавказе, и, соответственно, исследователям культур Арктики Сергей Александрович известен как первооткрыватель древних культур Берингоморья. Впрочем, и сам он назвал свои чукотские экспедиции и сделанные в них с друзьями и коллегами открытия главной главой в своей “Книге Бытия”. Так и записал он о Китовой аллее в “Сибири, венке сонетов”, в этой поэтической биогеографии и лучшем стихотворении о Сибири вообще: “Как книги жизни главную главу, вас помнить буду я пока живу”. Да, Сергей Александрович был и прекрасным поэтом.

Как и подобает настоящему этнографу, главной главой своей научной жизни Сергей Александрович считал открытия, сделанные в поле, руками и лопатой. Однако его теоретические труды уже составляют пласт мировой науки и достояние человечества наряду с наследием Аристотеля, Гегеля, Броделя, Данилевского.

В 1989 г., в том самом, когда в Женеве, в ЦЕРНе Тим Бернерс-Ли изобрел интернет современного *www*-типа, Сергей Александрович, обобщив десятки своих наиболее важных статей и ряд лекционных курсов, опубликовал свой самый значимый на то время труд — “Народы и культуры: развитие и взаимодействие”. В нем он сформулировал ряд важнейших теоретических положений, легших в основу всех его исследований. В расширенном и дополненном виде он был опубликован на русском языке американским издательством *Edwin Mellen Press* под несколько видоизмененным названием — “Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие”. Президиум Российской академии наук постановлением

от 13 сентября 2011 г. присудил за нее С.А. Арутюнову премию им. Н.Н. Миклухо-Маклая. В дальнейшем он подверг свой труд новой переработке. Обновленная книга увидела свет под названием “Силуэты этничности на цивилизационном фоне” (М.: ИНФРА-М., 2012).

В его информационной теории этноса обосновываются закономерность и необходимость появления этнических структур в локусах наибольшей концентрации генеральной совокупности информационных связей общества — как синхронных, так и диахронных. Плотность этой концентрации и ее структурная специфика и определяют параметры и черты своеобразия этноса, формирующегося и существующего в определенном локусе. В этом же труде описаны и сформулированы закономерности ротационных процессов усвоения инноваций и иноэтничных заимствований в традиционной культуре этноса, взаимоотношения инновационных и традиционных черт в ней, состояние сбалансированного полиморфизма как в условиях гомеостаза, так и во времена интенсивной эволюции, в ситуации билингвизма и бикультурализма и ряд других ключевых категорий, важных для понимания хода этнокультурных процессов. Идея о том, что социальные и биологические организмы являют собой воплощенные информационные поля, в 1980-х даже иным мэтрам антропологии показалась слишком фантастичной, но наши современники доказывают ее на практике ежеминутно, конвертируя информацию в социальность посредством своих смартфонов. И Сергей Александрович, предсказав то, чему на момент предсказания и названия не было, увидел все это своими глазами. Но, увидев, в руки не взял, назвав гаджет “харамом”. Предсказав и описав кумулятивный кризис современной цивилизации, он дожид до его острой фазы и разглядывал мир, как химик — пробирку, с чувством профессионального удовлетворения, хотя и с тревогой за то будущее, в котором предстоит жить его правнукам.

Особое место в его жизни занимали преподавательская работа и культурно-просветительская деятельность. До 1991 г. Сергей Александрович читал лекции и спецкурсы в разных вузах СССР, а также выезжал с ними за рубеж для чтения в университетах Берна и Кембриджа. Международным конгрессам и конференциям с его участием нет числа. С 1966 по 2012 г. он читал лекционные курсы в МГУ преимущественно по истории материальной культуры и этнолингвистике. С 1970 и по 2005 г. ежегодно читал циклы лекций по самым разным проблемам этнографии и древней истории в Ереванском государственном университете и других вузах Армении.

В период с 1992 по 2000 г. ежегодно вел семестровые курсы, в основном по этнографии и этнополитологии России и стран СНГ в ряде американских университетов: Питтсбургском, Джоржтаунском, Брауна (в Провиденсе, Род-Айленд), Стэнфорде, Калифорнийском (Беркли и Ирвайн), Аризонском (Темпе), Аляски (Фэрбэнкс и Анкоридж), а также в университете Хоккайдо (Япония).

В 1990 г. он стал членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 2009 г. был избран иностранным членом Национальной академии наук Республики Армения. При этом к собственным официальным статусам, титулам, регалиям Сергей Александрович всегда относился с присущим ему юмором, и это свое ироничное отношение к своим академическим обязанностям он запечатлел в избранном им японском псевдониме “Гусаба” (т.е. “влекущий колесницу глупости”), ставшим названием его последней книги (См.: Gusaba. Влекущий колесницу глупости. М.: ПОЛИМЕДИА, 2023).

Понимая причины исторических явлений и закономерности когнитивных процессов, он с легкой иронией смотрел на новомодные увлечения “детскими играми разума” вроде постмодернизма, опираясь на фундаментальную объективность истины. При этом “изобличениями” оппонентов не занимался и вообще взирал на суету сует согласно максиме Данте: “Следуй своим путем и предоставь людям говорить все что угодно”.

В мировой науке Сергей Александрович остался последним ученым-энциклопедистом, в равной мере сведущим и в гуманитарных, и в естественных науках. Он высказался однажды о феномене Леонардо да Винчи: “Ну, Леонардо... Он к ним вообще из нашего времени провалился”. Но сам он при этом словно непосредственно из эпохи Возрождения возник в нашем времени; столь безмерным и многогранным был его талант буквально во всем, чего касался его разум, вмещающий в себя Мироздание. К нему не применимо современное понятие “интеллектуал”, но органично звучит вневременное — мудрец.

Умом это понятно: дай Бог каждому прожить такую — и по качеству, и по количеству времени — жизнь. Но именно поэтому с ним ушло все то, что казалось тектонически фундаментальным и вечным. И никуда нам здесь, на Земле, не деться от этого ощущения разверзшейся пустоты.

Уходя, в разделе “О жизни и душе” своей последней книги — книги воспоминаний — он оставил нам на прощание несколько страниц размышлений о сущности этой великой пустоты, Шуньяты, лежащей в основе всего, а также о том, что нам с этой пустотой делать. Помнить.

Сергей Александрович всегда, всю жизнь, до самых последних дней вспоминал своих учителей. И его будут помнить, пока живы, сотни коллег и учеников. Поэтому смерти нет. Учителя не умирают. Они просто становятся нами.

К.Л. Банников